

18+ *Полина Табагару*

Дневник
АЛКОГОЛИЧКИ

Полина Табагари

Дневник алкоголички

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55560289

ISBN 9785449890993

Аннотация

Социальная драма о женщине, страдающей алкогольной зависимостью. Главная героиня Ольга, после того как ее задерживают на месте преступления, на допросе рассказывает историю своей жизни следователям и молодой журналистке. Второй подозреваемый в совершенной трагедии, как выясняется, – это алкоголь, который неустанно преследует женщину и постепенно отбирает у нее полноценную жизнь.

Содержание

Дневник алкоголички

5

Конец ознакомительного фрагмента.

69

Дневник алкоголички

Полина Табагари

© Полина Табагари, 2024

ISBN 978-5-4498-9099-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневник алкоголички

Черт, не надо так надрываться. Что вы орете мне в ухо? Я же не глухая. Да, не тащите вы меня, больно же. Ублюдки! Ненавижу вас всех! Оставьте меня, пожалуйста. Вы что не слышите, оглохли? Или принесите воды, прошу вас. В горле пересохло, я умираю тут от жажды. Мне пить хочется. Изверги, а еще в полиции служите. Вас специально набирают по трем классам образования? Конечно же, другие не идут.

Я не ругаюсь.

Простите меня, умоляю. Глупости говорю, не соображаю ничего.

Да, это мой паспорт и трудовая, Абносова Ольга Юрьевна я.

Что? Какое еще убийство?

Я никого не убивала. Это все ошибка, понимаете? Я видала их всего раз в жизни. Мы вчера познакомились на вокзале, тот, что старше предложил переждать ночь у него. Я тут неместная, проездом, можно сказать. Мне некуда было пойти, вот я и согласилась переночевать здесь.

Вы дадите мне воды? Пожалуйста, у меня горло дико пересохло, рот открыть не могу. И, может, от головы что есть, ребят? Анальгин не помешал бы. Дайте лучше глотнуть чего-нибудь покрепче. Ну, пожалуйста, стопочку плесните.

Вот же бутылка стоит, там еще осталось на дне. Отпустите меня, я домой хочу. Господи, да как же это могло со мной приключиться?! Ничего не понимаю.

Я вам все расскажу, как было. Я только сейчас не могу. Мне надо проспаться, отдохнуть чуть-чуть. Голова совсем не соображает. И я вспомню. Только я никого не убивала. Я в Бога верю. Это большой грех – «не убий» – одна из главных заповедей Господа. Или это несчастный случай, но я не имею к этому никакого отношения.

Не верите мне? Думаете, сошла с ума? Да, дайте же воды, изверги! Как болит голова, просто разорвет.

Сейчас-сейчас, я присяду и все расскажу. Не держите зла, ребята. Я не в себе.

Спасибо вам.

Вот один глоток воды, а столько споров. Сама виновата, сама. Ничего не говорю.

Здесь надо подождать? Я давно никуда не спешу, расскажу, все, как было. Сколько меня здесь продержат?

Спасибо, что дали вздремнуть, полегчало, ребята.

А можно еще с меня наручники снять, я все равно никуда не убегу. Куда здесь бежать? Одни решетки кругом и народу целая комната набилась. Нас записывают? Или вы так, в блокнотик? А зачем на допросе журналист вообще? Что это за новшества такие? Хотя о чем говорю, я же до этого никогда на допросах не была.

Я не помню, когда это со мной началось. Не помню того момента, когда потеряла связь с реальностью. Силуюсь вспомнить решающий эпизод, когда жизнь забуксовала, и не нахожу. Вон, посмотрите на улицу, что через решетки видно: женщина с сумками в двух руках куда-то спешит, обгоняя прохожих. Девочки катятся на велосипеде, обсуждают что-то, переговариваются и почти не смотрят на дорогу. Слышно, как гудит включенный двигатель мусоровозки, у магазина идет разгрузка товара, водители матерятся между собой, стараясь перекричать звук перфоратора, в метре от них рабочие пробивают асфальт.

Моя жизнь остановилась, будто на паузе, а там за окном движение не прекращается. Может, нет того определяющего ход события, а есть череда обстоятельств, которые привели меня туда, где я сейчас? Я не знаю ответы на эти вопросы.

То ли я заимствовала чужую жизнь, то ли жизнь распорядилась, чтобы я разыгрывала чужую партию. И вместо главной ушла на второстепенные роли.

Вам, наверное, смешно слушать философские бредни непотрезвевшей женщины на пятом десятке. Но раз решили меня расспрашивать, то слушайте с самого начала.

Я мало что помню из детства. Сейчас любят приплетать детство, родителей, мол, они вершители наших судеб. Частично так и есть, но нельзя же всю жизнь держаться за материнскую юбку и обвинять родителей во всех грехах, кото-

рые творишь своими руками. Не по-взрослому это.

Отец меня обожал. Его лицо стерлось из памяти, как и большинство событий с его участием, а вот по каким-то едва уловимым запахам – смесь пота и спиртовых отдушек – и вот его образ всплывает перед глазами. Наверное, поэтому мне так нравятся магазины бытовой химии или отделы супермаркета с полками чистящих средств, в них пахнет искусственной чистотой, напоминающей отца.

Он работал на лакокрасочном заводе разнорабочим. Еще папа рисовал. Это было что-то вроде его хобби. Он мастерил плакаты для партсобраний или профсоюзов. Рисовал открытки на дни рождения или праздники. К нему со всего завода приходили и просили помочь, а расплачивались почему-то спиртом, который крали там же, с завода. Удивительный народ. Отец не отказывался ни от шабашек, ни от «благодарностей». И однажды он не вернулся с работы.

Воспоминания об отце отрывочны, будто часть пленок с ним вырвана или стерта, а день его похорон помню до мелочей. Несправедливо устроена жизнь: не хранит добрых событий, а то, о чем мечтаешь забыть, подсовывает всякий раз, когда и так хочется лезть в петлю.

Конец весны. Я стою на балконе второго этажа нашей квартиры. Отец лежит в гробу посередине комнаты. Я возвращаюсь обратно в большую комнату, приоткрываю белую тряпку и смотрю на себя в зеркало. Я себе не нравлюсь в отражении. Бесцветные брови, огромные на пол-лица губы.

«Губошлепка», – слышится в голове голос одноклассников.

Мне хочется распустить волосы. Туго сплетенные в пучок резинкой они давят так, что болит голова. Мама ругается, что я своими космами весь дом заполонила, поэтому я пытаюсь ослабить натяжение резинки, но она не выдерживает моих манипуляций и рвется. Волосы падают с плеч, брови опускаются на место, и взгляд больше не кажется сильно удивленным. Я ищу в секретере новую, сматываю волосы и перевязываю резинкой и лентой. Гулька волос снова сильно давит на глаза.

«Тебя наголо надо подстричь, из твоих волос можно носки плести», – мать из-за спины фыркает и пальцем показывает на два слетевших волоска на полу и уходит на кухню. И, правда, если они так лезут, почему я до сих пор еще не облысела?

«Рыжуха», – я вздрагиваю. Я отчетливо слышала голос отца. Я отскакиваю от зеркала и проверяю, жив ли отец. Может, он задышал, и это все какая-то кошмарная ошибка? Я наклоняюсь правым ухом и долго жду в надежде, что услышу всхрип или вздох. Если отца не будет, то кто будет меня любить?

Снова выхожу на балкон. Внизу переговариваются соседские бабки. Они обсуждают бразильский сериал, охают и ругают легкомысленных героинь и влюбчивых поверхностных мужчин. Я пропустила несколько серий за последние дни, поэтому мне интересно, что произошло в мое отсутствие.

Сирень цветет, мыльную оперу крутят по телевизору два раза в день, соседки с упоением делятся переживаниями по поводу бразильских страстей и всему миру безразлично, что у меня больше нет отца. Эта мысль четко отпечаталась в юношеском мозгу: люди живут своей жизнью. Она продолжается у других, и плевать, что у тебя нет больше частички жизни или она остановилась. Тогда это было потрясением, что жизнь продолжается, несмотря ни на что. Телевизор дает новую пищу для сплетен, солнце светит, трава цветет, круглогодичная сменяемость времени, а твое время стоит на паузе.

Я вас утомила уже? Вы, наверное, хотите перейти к событиям вчерашнего дня? Я и до этого дойду. Мне самой надо пройти этот путь с вами, чтобы понять, как я очутилась вчера здесь. Если хотите, возвращайтесь позже. Интересно вам? Журналистам всегда интересно докопаться. Ну, слушайте дальше. Я никуда не спешу.

Это была первая пауза в моей жизни, когда отца не стало. Потом на медленной перемотке промчалось еще пять лет. Я ждала поступления в институт. Мечтала в художку попасть. Ну, вообще-то в любой, там, где предоставляют общежитие. Отцу некогда было рисовать картины, он уставал, приходя со смены, а мне достался его талант, перешел по наследству, как я про себя шутила. Я не хотела подводить отца. Судь-

ба и так два раза подряд дарит шанс для чего-то большего, незаурядного. И я знала, что рождена для того, чтобы оставить след. Только творчеством и хорошими делами можно запасть в душу людей: когда о тебе говорят – тебя помнят, поэтому ты обретаешь жизнь после смерти. Творчество в те годы я рассматривала, не как разрядку или вложение сил, а больше как эгоистичную попытку понравиться людям и застыть в вечности. Какими удивительно мудрыми бывают и дети и подростки, только непонятно, куда потом эта мудрость уходит и как глупо растворяется в повседневности.

Наступил одиннадцатый, выпускной класс. Почти каждый день, тайком от матери, я отмечала в календаре прожитый день как прощание с детством. Мне нужно было вырасти по бумагам, чтобы получить свободу от матери и перестать быть для нее обузой.

После второй смены старый школьный вахтер обходил все этажи, находил меня обычно между вторым и третьим пролетом, сидящей на подоконнике, картинно ругался, провожал до дверей и закрывал школу на ключ. Я бродила по улицам и к девяти вечера возвращалась домой. Зимой Павел Алексеевич начинал обход в начале девятого, иногда поил чаем, потому что, как мне казалось, урчание моего живота разносилось эхом по всем этажам.

Я приучила себя делать уроки прямо в школе, не откладывая, а вот дома – только рисовать. Комната у меня была девять метров. Шкаф, раскладной диван, письменный стол

и мольберт, плюс немного места, чтобы покружиться вокруг своей оси под музыку.

Я жила с ощущением, что забираю у матери воздух, когда нахожусь рядом с ней в замкнутом пространстве. Я была копией отца в манере держаться, голосе, бытовых привычках. И этот мелькающий призрак покойного мужа, видимо, раздражал мать. Мы обходились за день двумя-тремя фразами, и если я в хорошем настроении заговаривала с ней первой, то она находила повод придрататься к веснушкам, к моим умственным способностям, которые годятся только для того, чтобы «марки на главпочтамте языком приклеивать». Ее бесило даже то, как я передвигаюсь по квартире, потому что от моих шагов «сервиз в шкафчике пляшет». И до того как засну, я оставалась с чувством опустошенности наедине. Я не обижалась на материны претензии, где-то внутри меня сидела заноза моей инаковости, я не нащупывала ее, не могла вытащить это разлагающееся инородное тело, которое постепенно отравляло и меня.

Нехватка воздуха быстро сводит людей с ума. Мать заводилась от любой мелочи и выплескивала на меня свое отчаяние. Со временем мне даже стало жалко ее. Ну, что она виновата, раз раньше выходили за удобного и подходящего человека? Разве виновата, что родила? Так все рожают детей. Хорошо, что одну родила, а не целый полк голодных ртов. Не учат же в школе жизни, учат адаптироваться и смиряться, а не мыслить глобально, мечтать о великих свершениях. Я,

может, поэтому и пошла в итоге в педагогический, на учителя рисования, потому что хотелось изменить несколько десятков судеб. В то время я была уверена, что знаю, чего точно нельзя совершать в жизни.

Учителя редко отдают себе отчет, какой силой обладают, каким даром трансформировать чужие жизни. Я учила своих подопечных не рисовать, я учила видеть перспективу. Не различать цвета, а находить оттенки жизни, чтобы там, во взрослом мире, они не растерялись, как моя мать, не пошли по пути наименьшего сопротивления и не вляпались в 99 процентов ошибок живущих людей.

Я идеалистка? Наверное. До периода, как я работала учительницей, я дойду. Тогда я еще участвовала в жизни, а не наблюдала ее со стороны. У меня была роль, и этот невидимый режиссер прислушивался ко мне, позволяя влиять на сюжет. Потом ощущение вовлеченности ушло. Кто я? Что тут делаю? Есть ли во всем этом смысл?

Вас как зовут, простите, девушка? Светлана? Красивое имя... Свет... Доброта, тепло – хорошие ассоциации. Вы, Светочка, не смотрите на меня так. Не надо жалеть. У меня руки в крови? Боже, пожалуйста, отпустите до туалета, я хочу побыстрее с себя это смыть. А сколько ждать этих криминалистов? Почему так долго? С меня же уже собрали все улики, зачем нужны дополнительные. Что за привычка над народом издеваться. Это я не о вас лично, ребята, это я о си-

стеме.

Я тогда продолжу, Светочка, а вы записывайте, раз уж связались. Наверное, для статьи и не понадобятся такие подробности, так хоть кто-то меня выслушает на трезвую голову, услышит мою историю. Так важно озвучивать происходящее. Это прочищает реальность, учит осознанности.

В институт я поступила легко, сама, без блата. Это было естественным и предсказуемым решением. Я умею рисовать, просто научите меня, как обучать других, как работать с детьми. Из всех экзаменов я переживала за историю. Русский с литературой – всегда были любимыми предметами. Я читала захлеб все, что попадалось под руку. Не знаю даже, чтобы я без книг делала. Без этих героев, как Гаврош, Соня, Каренина, Том Сойер – противоречивые ребята, странно, что их первыми вспомнила, может, потому что такими же недолюбленными были, как и я.

Последние лет десять совсем перестала читать. Трудно долго на чем-то одном сосредоточиться, и глаза подводят, слезятся сильно или отекают. Книги перестали меня спасать. Да и нет такой книги, которая исцелит от потери ребенка. Или от безысходности, от крошечной пустоты внутри, с которой ты не можешь никак ужиться. Пустота больше, чем ты. Она, как черная дыра, всасывает в себя все живое, что снаружи. И ни от чего меня книги не защитили. Реальный мир победил книжный, а алкогольный – всех вместе.

И ведь я не думаю, что такой уж слабой была. Совсем нет.

Удары судьбы принимала с достоинством, вскакивала, искала выход, мчалась дальше. Но, может, судьба перестаралась со мной? Может, нельзя было бить по запрещенным местам? Лишать жизни невинных. А? Судьба? Бог? Слышишь там меня?!

Нет, он давно перестал со мной считаться. Он бы броней наградил, непробиваемый жилет, что ли, выдал, когда раз за разом умерщвлял меня. В самолетах или на кораблях предусмотрены спасательные жилеты, а что Бог дает тем, кого отправляет на землю? Справедливость, веру в ангелов-хранителей, искусство, творчество?

Справедливости ни в одни века не было. Боги менялись. От искусства люди страдают. Ну, хоть алкоголь изобрел. А то самоубийство – грех, а сам подсовывает людям кресты, которых не вынести. И чушь это, что дается по силам. Не по силам. Нет таких сил, чтобы вынести смерть ребенка. Нет – и все тут. Одни оправдания, тупые, никчемные оправдания.

Ох, Света, я же хотела в хронологическом порядке, а мысли не слушаются. Совсем перестали хозяйку понимать, скачут из стороны в сторону, да и вас всех, я смотрю, изрядно пугают. Я про учебу, да? Учиться мне нравилось. И сказочно повезло, что выбила общежитие. Его обычно городским не дают, но я настояла. Я вообще тогда в пробивную девицу превратилась, себя не узнавала. От вялой покорной «рыжульки» ничего не осталось. Я обрезала длинные волосы

и в черный хной покрасилась. Волосы у меня непослушные были, вверх норовили подняться, вились немного, не то что сейчас, упали одинокими сосульками, а тогда я расхаживала с медно-черным одуванчиком на голове.

Так вот прихожу в канцелярию пединститута, как только вывесили списки поступивших, и давай их упрашивать. Мол, мать не поддерживает, мешает заниматься, а у меня мечта – стать учителем рисования. Мать, как узнала, что я в будущее педагоги подалась, так скандал закатила. Гнобит, ругается, разве в такой обстановке можно жить творческому человеку. Да никогда! Ну и призналась вдобавок, что без отца осталась. Не знаю, что оказалось решающим, но дали мне комнату на четырех девочек.

Две девчонки и года не проучились, вернулись обратно в деревню, не знаю, что с ними стало потом. А с Оксаной мы год вместе прожили под одной крышей и после института долго дружили. В соседних школах работали. Она учитель математики. Оксана реально была училкой, наверно, с рождения, вот такой карикатурной, в очках, волосы зализаны лаком волосок к волоску, рубашки наглажены с вечера. Ни разу в мятом на парах не появилась. Две блузы у нее всего было и одно платье за все четыре года, и при этом скромном наборе держала она себя как королева. И порядочная очень была. Долго мне помогала. Но всем надоедает помогать. Это я хорошо усвоила.

Люди помогают до предела. Особенно женщинам, особен-

но пьющим. Это мужик запьет, на него какая-то баба найдет-ся, и пригреет, и приласкает, а то и домой с улицы заберет. А что за принц женщину из соседнего двора с лавочки притащит, отмоет, накормит, закодирует? Ой, смех. Нет, пьющая женщина – это приговор. Окончательный вердикт. Ну, дети, друзья, родственники, конечно, помучаются, но как обычная женщина для своего загульного мужика надрываться не будут. Потому что у всех свои заботы. А мужичка отмоеют и дома усадят: «Сиди, мужик, дома. Охраняй. Радуй мое самолюбие, что я не одна в жизни». Дуры все-таки бабы, непроходимые, непролазные дуры. Зачем такого мужика держать в доме, выхаживать его? Он ее, как освоится, и бьет, и помыкает ей как вздумается. Может и запьет хлеще прежнего и ее саму спойт. Я бы вот лучше баб с улицы вытаскивала.

Свет, а нет такого приюта, где бы только женщинами-алкоголичками занимались и возвращали их в социальную жизнь? Не слышала? Вот и я про такое не слышала. Женский монастырь – это совсем другое, до него надо морально дорасти, созреть внутренне. Может, если бы в каждом городе были приюты для реабилитации пьющих женщин, все это со мной не случилось?

На Оксаночку я не сержусь, да и нельзя мне ни на кого обижаться, не по-взрослому валить ответственность на других за свои ошибки. Так только дети любят делать. Замечали? Ребенок споткнется, упадет и кричит: «Мама, это ты ви-

новата». Или разольет что случайно: «Мама, мамочка, это ты». И говоришь ему: «Родной, да я ж далеко стою, да меня тут и не было». А он все равно в слезы: «Ты виновата», — и все.

Так что нет, сами мы спотыкаемся, самим нам и вставать надо.

И те четыре беззаботных студенческих года одни из самых любимых, может, только четвертый год я немного подретушировала, была бы возможность. Первые три года все дни пропадала в библиотеках, лекции не пропускала, к занятиям готовилась, и на мне не висело ощущение безнадежности, провальности существования. Наоборот, нарастающая радость от того, что все хорошее происходит прямо сейчас, а дальше будет еще лучше. Рядом со мной те, кто видят меня смелой, активной, бойкой девчонкой, а не угловатым забитым подростком или вечно провинившейся дочерью.

Тогда жить было интересно. Даже выцветшая трава в ноябре, казалась, зеленее, чем сейчас в конце весны. Каждый день для меня был подобно подарку, что распаковываешь на день рождения. Только откроешь глаза и думаешь, что же сегодня хорошего со мной произойдет, чудесного. А потом дни-подарки закончились.

Страшно то, что ты этого сразу не замечаешь. Толком нет симптомов говорящих: в тебе гниет что-то, тело пожирает недуг, как рак, расползается незаметно по всему организму. Ничего подобного. Никаких видимых симптомов надвигаю-

щейся катастрофы. Ты умираешь постепенно, а хоронят тебя в один день. Жизнь медленно умерщвляет день за днем. Есть люди, которые борются и противостоят этому, и тогда жизнь их благодарит, а те, кто не понимают ее уроков, тех она учит год за годом в надежде, что дотумкаешь и заживешь по-другому. Но все тщетно.

Я любила школу, любила учеников и любила свою жизнь. Жаль, что я не отдавала себе отчета, насколько у меня была тогда хорошая, это моя простая жизнь. Вот предложи мне сейчас, Оля, возвращайся и выбирай, с кем жить, чем заниматься, ничего бы не поменяла, из того, что было. Михаила я любила и всегда ему буду благодарна за эту любовь. Я сама саботировала свою жизнь на неприятности.

Михаил – это мой подарок судьбы. Нам часто встречаются хорошие люди, намного чаще, чем мы этого заслуживаем. Странность в том, что, когда они приходят в нашу жизнь, мы не можем оценить: блестящая глыба или бриллиант тут у нас ошивается под ногами, поди разбери. То ли не верим, что заслуживаем достойного к себе отношения, то ли того, что попался человек хороший и подозреваем его в нечистоплотности. Так презираем себя, что сомневаемся во всем: «Ну, с чего такому красавцу любить меня, благородно ухаживать?». Мы ищем подвох и все портим. Что в любви, что в карьере – все от недооцененности тебя другими, а что хуже, что не признаем сами себя как ценность, как сокровище.

Ты, Света, такой не будь, вот попался хороший человек – не проверяй его, не выставляй наперед условий, не потроши наизнанку своими догадками, но и не старайся выглядеть хуже, чем ты есть, чтобы он полюбил вот такую замарашку, потому что «беленькую и хорошенькую», как говорится, любой дурак полюбит. Не надо ему лишних испытаний. Пусть как умеет, так и заботится о тебе.

А нам с Мишей выпало то, что нормальным парам нельзя пережить не покалечившись. Я даже думаю, что это все нам досталось за годы беззаботного счастья. Хотя и не верю, что у Бога есть злой умысел на нас, на людей.

С Михаилом мы не должны были быть вместе. Он приходил в общежитие к моей тогдашней соседке Жанне. Мы смеялись, подшучивали друг над дружкой, общались с ним как друзья, точнее, как старший брат с младшей сестрой. Это было невинно, без намека на флирт. Жанна на нас смотрела со снисхождением, она меня не считала ни возможной конкуренткой, ни угрозой. Ей и в голову не могло прийти, что через несколько лет мы с Михаилом поженимся и у нас родится ребенок. Я же в Михаила влюбилась, как только он заговорил со мной, было в его голосе, в манере поведения что-то успокаивающее, нейтрализующее все плохое, что случилось в моей жизни до этого. Моя философия на тот момент сводилась к тому, что я виновата уже по факту своего рождения, что изъяны во мне, а не в окружающих. В его вселенной

царили другие правила: «Ну да, ты тут ошиблась, сглупила, прости себя за это и живи дальше». Представляешь, Света, вот так просто – прости себя и живи дальше.

Меня переполняла любовь. Рядом с ним я чувствовала себя растаявшей ледяной глыбой, поэтому иногда старалась убраться с его глаз, когда он появлялся на пороге нашей комнаты, чтобы Миша не заподозрил, что уже несколько месяцев он для меня далеко не старший брат.

«Олька, ну как твои дела?» – и обнимает так крепко, что я слышу хруст своих позвонков. «Что делаешь?» – и это не банальный вопрос вежливости, он заглядывает мне в глаза так, что я проваливаюсь на какую-то необъяснимую глубину, тону, задыхаюсь, лишаясь на несколько секунд способности произносить слова.

Мы могли разговаривать часами. С ним я была собой. Тебе это, Света, кажется чудачеством? А я вот думаю, что только так и надо выбирать мужчину в пару. Того, с кем можно поговорить обо всем на свете, потому что мы раскрываемся через слово. Наверное, и алкоголь я тогда попробовала только из-за переизбытка эмоций. Чувства зашкаливали, я не знала, как с ними справиться, как с собой совладать в таком состоянии, куда девать все эти тонны скопившихся переживаний? Хотя после отца думала, что никогда не возьму алкоголь в рот.

Спирт убил отца. Спирт растворил его мечты, сломил его, и я уж точно не позволю проделать с собой такое, повторяла

я про себя. Я воочию несколько лет наблюдала постепенную деградацию папы. Превращение в алкоголика сразу не замечаешь, потому что каждый раз оправдываешь любимого человека и свыкаешься с новым поведением. Я гляжу, как папа замахивается на мать и наотмашь бьет ее по щеке. Впервые увидеть такое – шок для маленького ребенка. Но потом пощечины – норма. Вид отца-алкоголика в неменяемом состоянии, которого пытается растолкать мать после пьянки на работу, – мое обычное утро. И однажды отец просто не приходит домой.

И вот я делаю свой первый глоток дешевого шампанского. Оно обжигает внутри, я морщусь. Мои знакомые по общаге визжат от удовольствия. Замечали, как людям нравится сламывать людей? Как они убеждают тебя выпить в первый раз? Покурить? Какое-то садистское желание отравить другого человека? Почему никто не считается с желаниями самого этого подопытного? Я твердила сокурсникам и соседкам по комнате пару лет, что не пью, отказывалась, а тут выпила, и мне не понравилось.

Вообще кому его первый раз нравится, будь то в алкоголе, сексе, первый день на новой работе? Уверена, каждый проходит адовы муки, прежде чем тебя устроит результат, но вот почему организм и мозг не сопротивляется долго алкоголю или табаку? Почему чужую норму мы принимаем за правильную и полезную? Это я сейчас об этом задумалась, со-

всем недавно, когда поняла, что алкоголь сделал с моей жизнью, что я сама сделала со своей жизнью с помощью алкоголя.

Михаил стоял в проходе и неодобрительно покачал головой, когда я поставила фужер на стол. Я плюхнулась на табуретку, хихикнула и с вызовом посмотрела на него: мол, такую ты меня еще не знаешь.

Что хотела этим доказать? Что я взрослая? Что мне нужно гораздо больше братской любви и привязанности? Жанна перехватила наш взгляд и думаю впервые осознала, что я тоже девушка – пухленькая, медвежеватая, вечно лохматая, но я тоже девочка. И гипотетически в меня могут влюбляться, могут под всеми этими веснушками, кудрями, мешковатой одеждой разглядеть уникальную личность, что я могу цеплять как раз вот этой своей непохожестью на мир кукол Барби и другие выдуманные стандарты красоты, в которые я не вписывалась.

Жанна, не переварившая это открытие внутри себя, машинально подлила мне в бокал. Я отпила, но не сводила глаз с Михаила. Внезапная дерзость отступила, и я почувствовала, как ноги и плечи окутывает теплом, я становлюсь необъятной, тело тяжелеет и разрастается. Руки окаменели, но продолжали подносить ко рту мой всегда наполненный фужер: я не успевала отпить, как Жанна была на страже и подливала. В очередной раз, когда я поставила бокал

на стол, фужер накренился и в замедленном движении упал на пол, но не разбился. Тут ребята всполошились: «Ой, Олька напилась, вы посмотрите. Ну, ты и алкашка!»

Представляете, на протяжении нескольких месяцев активно пытались напоить, а теперь они празднуют победу и называют меня «алкашкой». Я была близка к тому, что меня вот-вот вывернет наружу прямо перед сокурсниками. Но не могла пошевелиться, выкрикнуть что-то из себя и позвать на помощь. Язык окаменел, ноги не слушались, руки смиренно лежали на коленках. Тело мне больше не принадлежало. Внутри еще сидела я, но все части тела перестали мне подчиняться и перешли во власть какой-то другой Оли. Я прикрыла веки, погружаясь в кружащую пятнами темноту. Чьи-то руки подхватили меня, подняли в воздух, подарив легкую невесомость. Когда открыла глаза, поняла, что смотрю внутрь керамической чаши унитаза, Михаил держит волосы, которые скрутил в большой хвост. Остальное помню уже смутно, если не сказать честно: не помню ничего.

Проснулась я в своей кровати, на мне была та же майка, что в вечер первой алкогольной дегустации, и трусы. Штаны были аккуратно сложены и лежали на стуле, на тумбочке стоял стакан воды. Я застонала и потянулась за стаканом. Глоток воды не сравнится ни с какими алкогольными напитками. У Роберта Шекли есть короткий рассказ «Особый старательский», там золотоискатель отправляется на прииски на какую-то планету и мечтает заполучить знаменитый кок-

тейль для золотоискателей. Так вот этот коктейль – просто вода. Чистая прозрачная вода, которая оказывается драгоценностью для умирающего на незнакомой планете. Давно я читала этот рассказ, еще в школе, не помню детали, помню только, что я обнаружила, что нет ничего слаще воды. Осознаешь это на следующий день после запоя, но не тогда, когда вливаешь в себя литры спиртного.

Жанны в комнате не было, это меня удивило слегка, если не насторожило. Жанна была строгих, ею же придуманных правил, вроде: 10 свиданий до первого поцелуя или никогда не звонить парням самой. Она часами замирала, глядя в одну точку, но ждала, когда вахтерша поднимется, ругаясь на Жанку на чем свет, что опять звонит ее хахаль, а она тут не телефонистка, чтобы бегать по этажам разыскивать молодежь, но при этом каждый раз звала Жанночку к телефону.

Жанна решила, что свой первый раз у нее будет только в законном браке, потому что не существует никаких гарантий, что мужчина не бросит тебя сразу после секса, а в правилах Жанны риск отсутствовал как таковой. У нее была распланирована каждая мелочь, и она этого не скрывала. Миша был в курсе всех ее странностей и принимал это. Он вообще уважал женщин. Меня восхищало, что он с нами считался, с женщинами, я имею в виду. Тогда мы были для общества в роли вечной услуги – вырастить, обучить, полечить každодневно, но вот обязанности посерьезнее припасены для мужчин. Вы замечали, что женщин брали в вагоновожатые,

ну, может, еще в водители троллейбусов, но вот водитель автобуса – мужчина. Машинист – мужчина. Пилот – мужчина. Меня искренне удивляло, почему трамвай и троллейбус доверили женщинам, а автобусы нет. Потому что нельзя по рельсам сбежать с маршрута? Отклониться от курса? Заехать не туда? Какие-то вечные предрассудки. А Михаил был прогрессивных взглядов, но при этом уважал другие женские взгляды на традиционные патриархальные ценности.

Не могу с уверенностью сказать, готов ли он был тогда на ней жениться, раз принял то, что спать она с ним до свадьбы не будет или встречался просто, потому что нравилось проводить с ней время. Мы это так и не обсудили потом. Вроде как на тему его прошлых отношений был мораторий, и имя Жанны никогда не всплывало в нашей семейной жизни. Даже после того, как я узнала, что она удачно вышла замуж и уехала куда-то в Америку, я сдержалась посплетничать с мужем о судьбе бывшей дамы сердца. Я так поняла, что она или разочаровалась в русских мужчинах или просто ей тут все обрыдло. Жанна тоже в чем-то была не от мира сего, со сводом ее правил и глупейших принципов (не разогревать еду на сковородке, а есть только свежеприготовленное). Она отгораживалась от мира, надевая корону из правил, и в то же время всегда хотела быть своей в любой компании – такое сочетание любого сведет с ума.

Возвращаясь к первой пробе, я просыпаюсь в комнате об-

щежития, а Жанны нет. Странно... Решила, может, до магазина с утра побежала. Трудно было соображать, что к чему, как и сейчас, только и думаешь, лишь бы не сдохнуть, пережить несколько часов, сутки, двое, чтобы вернуть свою жизнь назад, перестать умирать от головной боли, сушняка и стыда.

Про стыд – это отдельный разговор. Сначала, когда выпиваешь и творишь глупости под «мухой», стыдно долгое время: месяц, два, полгода, год, смотря как умудришься накуролесить. Смутные картины твоего позора накануне так и стоят перед глазами. А потом период неловкости за себя сокращается. Повеселилась в пятницу, не стыдно уже ко вторнику, а к следующей пятнице ты готова снова чудить с молодецким задором. Это так планка нравственности понижается?

С каждой пьянкой приближаешься к отметке, где чувство стыда отмирает, оно изживается частотой отвратительных проступков. Я на много лет распрощалась с каким бы то ни было смущением. Кто что с тобой вытворяет, что делаешь ты – ведь это вроде и не ты, потому что в обычной жизни ты так себя не ведешь. Получается, кто-то другой в тебя вселяется, а за незнакомого человека ты уже не отвечаешь. Удобно, правда, так рассуждать? Это когда еще можешь рассуждать. Потом перестаешь анализировать, просто хочется выпить и вернуться в состояние, когда тебе легче, когда ты для себя значим.

Прости, Света, мысли блуждают. Я ведь никогда откро-

венно и не разговаривала насчет алкоголизма. Потому что сначала не верила, что у меня проблемы с выпивкой и было плевать на увещевания близких, позднее на всех стало плевать и, прежде всего, на себя, потому что та, выпившая Ольга, выигрывала в любых спорах. Она и сейчас победила. Я не знаю, что она натворила. Это я несколько часов просидела с трупом в квартире, заполненной полицейскими и криминалистами, в чужом городе, а теперь второй час утомляю вас своими воспоминаниями. Она ушла, я осталась, и все это дерьмо разгребать мне.

Я очнулась ближе к вечеру, там же в общежитии, умирая от похмелья и стыда. Кто-то стучался, заглядывал, высунув голову в проем, хихикал и захлопывал дверь. Смешно им было. Жанна вернулась затемно. Комнату освещал фонарь, который обычно мешал спать нам по ночам, ослепляя электрическим светом. Жанна прошла и села на кровать, не включая лампу, видимо, боялась меня разбудить или боялась того, что я увижу ее лицо в тот момент. «Оля?» – тихонечко произнесла соседка. Комната наполнилась внезапно возникшим напряжением от её тяжелого вздоха и последующего, почти незаметного из-за уличного гула: «Ну, хорошо». Я притворилась спящей: ни Жанна, ни я не готовы были общаться. Поэтому я до утра не открывала глаза, хотя и не могла провалиться в глубокий сон.

Утром соседки уже не было в комнате. Видимо, она побе-

жала пораньше к первой паре. Я, как обычно неспешно собралась, натянула застиранную выцветшую блузку, черные штаны и пошла пешком до института. Тогда тоже была весна. Не такая, как сейчас, приходящая неожиданно, врывающаяся летним изобилием одним днем во все дворы и улицы. Весна была такой, какой ей и полагается быть: размеренной, постепенной, иногда щедрой на тепло, иногда строго холодной, но всегда с надеждой. Когда открываешь окно или выходишь за порог дома и вдыхаешь свежий воздух, а он обещает добрые перемены, дарует ощущение важных открытий. Деревья долго стоят пустыми и за несколько дней преобразуются, расцветают, и такая весна всегда подобно чуду.

Я шла мимо этого нарастающего и пока неочевидного волшебства, и мне впервые казалось, что даже голые ветки деревьев в курсе того, что я напилась, и шумят они по-особенному, чуть перешептываясь. И прохожие странно посматривают в мою сторону, весь город в курсе того, как глупо я себя вела и теперь посмеивается. Что же будет, когда я войду в аудиторию? Тут меня осенило, что Жанна могла вскочить пораньше только для того, чтобы выложить моему курсу о застолье накануне. Хотя глупое предположение: на этих посиделках был Семен, он мог разнести вплоть до деканата, у него ничего не удерживалось за зубами. Я зашла в лекционный класс, готовая умереть со стыда прямо на месте, и медленно села за первую парту, стараясь не издавать ни единого вздоха. К удивлению, никаких особых возгласов и ирони-

зирующих шуточек не прозвучало. Так сзади пару смешков, но кто знает, о чем они в том момент шушукались.

Вечером я вернулась к себе в общежитие. Жанна сидела за письменным столом, поздоровалась со мной, как обычно, и с показательным усердием устала в книгу. Михаил после того случая заходил реже, и все равно, когда он бывал у нас, мы не могли наговориться. Уже когда окончательно потеплело, Жанна тащила его в парк или на аттракционы, поэтому до его призыва мы виделись пару раз.

Собственно, вот мое знакомство со спиртным, как у многих, отвратительно и не по-геройски. Сплошной «стыд и срам», как мне тогда представлялось. Знать бы наперед, что это далеко от стыда и срама, и сколько горя впоследствии мне принесет алкоголь. Но мы измеряем той мерой, какой обладаем в конкретный отрезок времени. И решения принимаем только из тех данных, которыми располагаем в тот же период.

Жанна рыдала сутки, узнав, что Миша идет в армию: никаких академических сроков, никаких увиливаний он не будет предпринимать, потому что хочет отдать дань родине. За день до отъезда он забежал к нам, но Жанны в комнате не было, она помчалась в последний момент покупать ему то ли пену для бритья, то ли станки, не помню и думается мне, что он предполагал, что ее не будет. Он переступил порог комнаты и замер, а я вопросительно уставилась на него,

что-то лепеча про то, что Жанны нет и не знаю, во сколько вернется. Миша продолжал кивать, не сводя с меня глаз.

«Олька, ты обещаешь мне тут присматривать за Жанной, – его рот говорил, словно против воли. – И себя береги. Себя надо беречь, Олька, для чего-то стоящего. Нельзя себя разбазаривать».

Я видела, как каждое слово дается Мише с трудом, будто он вытаскивает их из-под пресса. Слово за словом, слово за словом, боясь навредить и разорвать цепочку важных для него фраз.

«Я буду писать тебе, если ты не против, сестренка. Ты стала такой близкой, что мне трудно от тебя отказаться навсегда. Я буду скучать по нашим разговорам, по нашим спорам о классической живописи, в которой я, честно говоря, ничего не понимаю. Только с тобой научился различать кубизм от импрессионистов, и то неточно, наугад, скорее, наблюдая за твоей реакцией. И не выпивай. Не надо тебе. Я не учу, мне бы просто не хотелось этого. Ты забавная, смешная, уверенная в себе и без всяких дополнительных средств. Да и не у всех получается найти свою норму. Многие ищут-ищут и спиваются, так и не узнав, что им алкоголь противопоказан и нормы, кроме как ноль градусов, для них и не предназначалось. Ты прости, наверное, я и, правда, сегодня вздумал тебя учить, но только на правах лучшего друга, который всем сердцем желает добра. Мне для тебя хочется самого лучшего, а времени мало. Ты мне тоже пиши,

пожалуйста».

От каждой его фразы меня обдавало теплотой. Речь бывает такой убаюкивающей, качает на волнах и уносит все дальше от берега. Влечет то ли на погибель, то ли на счастье. Я слушала и только кивала в ответ, потому что мое тело унесло звуком его голоса на глубину. А он говорил и говорил. Я тонула. Миша открыл входную дверь и обернулся напоследок:

«Ты все поняла, Олька? Храни себя, – и где-то вдалеке за шумом словесных волн я услышала. – Для меня храни». И он закрыл за собой дверь.

Я выползла на берег реальности, когда очнулась лежащей в одиночестве в темноте. Жанна вернулась за полночь, так же неслышно разделась и легла в кровать. Меня окутало ощущение дежавю, как пару месяцев назад. Утром соседка заявила, что отныне она ничего не хочет слышать о Михаиле и, если я попробую у нее что-то спросить, это будет моя последняя фраза, обращенная к ней. Вот так. Он уехал, она придумала играть в молчанку, а я осталась не у дел.

Почти каждый день я бродила у здания Мишиного факультета, мне ужасно хотелось наткнуться на бывших однокурсников Михаила, но, как назло, летом в городе никто не попадался. Оставалось только ждать, то ли его письма, то ли его побывки. И я дождалась. Через два с половиной месяца пришло письмо на три, как сейчас помню, страницы. Такое трогательное. Михаил признавался, что влюбился

давно в меня, как долго себе запрещал что-то чувствовать, потому что считал себя обязанным Жанне и что он навсегда будет виноват перед ней. Что тогда, перед отъездом в армию ему не хватило смелости открыться, и он решил, что сделает это письменно. Рассказал, что приезжает через несколько месяцев на побывку и будет счастлив, если я найду пару минут для встречи с ним.

Я читала письмо и рыдала взхлеб. На меня свалилось огромное тяжелое счастье и первое, о чем я подумала, что не заслуживаю такого мужчину, как Михаил. Где-то обязательно прячется подвох. Может, это Жанна решила меня проучить. Я отвечу ему, а она потом будет бегать по институту и размахивать письмом, надсмехаясь коллективно над моими чувствами. Я слышала ее жужжащий голос, разносившейся по просторным аудиториям и длинным бесконечным коридорам: «Да, как ты вообще могла поверить, что нужна Михаилу». Я отчетливо увидела, как ее глаза суживаются в одну тоненькую щель, губы вытягиваются в линию, все ее лицо – как параллельные штрихи, дрожащие мелкой рябью. Жанна хохочет, тычет в меня письмом, и я снова превращаюсь в невидимку, как в детстве.

Я спрятала конверт и запретила себе перечитывать страницы, тем более с кем-то делиться о своих догадках. Если это Мишино письмо, то я самая счастливая девушка, если это Жанна – то я самое глупое посмешище на планете. Мое счастье опять зависело от посторонних людей, но не от меня.

Знаете, почему аттракционы рассчитаны на 3—5 минут? Потому что невозможно физически выдержать такие встряски, удовольствие от процесса теряется. С эмоциями также, когда подпрыгиваешь от одной мысли, что тебя кто-то любит, и больно шлепаешься, осознавая, насколько ты одинок.

Как-то к нам заглянула новая девчонка, которая заехала в соседнюю комнату. Ксюша выросла в деревне, а потом родители переехали в город, но тут у них не заладилось, они все продали, вернулись обратно, но Ксюша, привыкшая к городским условиям, наотрез отказалась уезжать. Родители сдались уговаривать ее жить в деревне, поселили у какой-то знакомой бабки, пока школу не закончит и не поступит в институт. Я поначалу думала, что Ксюша слишком развязная, откровенная, только потому, что она высоко налачивала челку и подводила глаза фиолетовым карандашом.

Я думала, что это по вине новоиспеченной подружки я так часто стала гулять. Если бы не она, я обязательно сидела бы в библиотеке и готовилась к коллоквиумам и семинарам. Но она возникала неожиданно к вечеру на пороге нашей с Жанной комнаты, откидывала в сторону мои книжки, разложенные на кровати, и приказным тоном объявляла: «Да успеешь ты все это вы зубрить. Собирайся, идем к моим новым друзьям» и я отправлялась с ней.

Ксюша брала меня с собой на квартиры знакомых, где народ напивался в хлам, как в последний день существова-

ния Земли. Я тоже периодически нажиралась до отключки. Но в каком бы состоянии ни была, Ксюша всегда дотаскивала меня до кровати в общежитии. У нас было правило «своей кровати»: как и где бы ты ни веселилась, спать должна только в своей постели.

Хотела бы я сказать, что гулянки каждый раз проходили по-разному с мучительно одинаковым утром после загула. Нет, эти студенческие «выход в свет» были однотипными и шли по отработанному сценарию: чужая квартира или дискотека в доме культуры, Ксюша представляет меня новым знакомым, они даже не стараются скрыть разочарование, почему у такой симпатичной девчонки, как Ксюша, такая пухлая и уродливая подруга. Через час всем все равно, насколько я не дотягиваю до идеалов красоты. Мы с Ксюшей пишемся пивом или водкой с соком, можем сбежать от одной компании и попасть к каким-то левым ребятам или вообще рвануть на другую вечеринку века.

Глупая бравада, экстрим и слабоумие, смешанное с внушительной дозой спиртного – две девчонки, которые отчаянно заполняли дни выдуманном весельем. Удивляюсь, как нам легко удавалось убежать от сборища пьяных мужиков или поменять компанию в разгар дискотеки. Мы были просто трофеем или украшением (ну, Ксюша, а я дешевая облезлая бижутерия).

Затем неизбежно наступало утро, когда было противно и гадко от себя. Когда ты полдня сидишь не за учебной пар-

той, а над унитазом и выворачиваешь себя на изнанку, а по-просту блюешь. Пытаешься хоть что-то вспомнить, но тщетно, вчерашняя ночь во вспышках света. Боишься узнать подробности вечера, потому что знаешь, что не оправившись от осознания, насколько жалкая, ничтожная и как себе противна, поэтому лучше ничего о себе такой не знать, не спрашивать, как вытворяла накануне.

Конечно, утром как ритуал – дать себе зарок не пить, раз не знаешь меры. Задаешь себе вопросы, почему не остановилась, зачем тушила внутренний пожар из эмоций и проблем спиртом, отчего он усиливался и пожирал еще глубже.

Тебя тошнит почти до вечера, сердце колотится так, будто пробежала дистанцию в десять километров, во рту засуха, руки трясутся как у старика с Паркинсоном, хочется вывернуть себе кишки и сдохнуть прямо сейчас. Вычеркнуть из памяти и этот деть и себя саму.

Как люди бросают пить? Откуда у них такая сила воли? Я столько раз зарекалась не пить, но через несколько недель возникало желание немного расслабиться, ослабить внутреннюю струну, или канат, который душил, и я забывала свои обещания покончить с алкоголем. Я не говорила себе, что это срыв: «Подумаешь, просто выпила кружку пива», стакан, стопку, фужер, неважно. Он никогда не был в единственном числе.

Я ненавидела жизнь и себя в такие послезагульные утра,

когда не могла припомнить, как добралась, когда оказывалась в чужой одежде или с пятнами вчерашнего ужина на подушке. Сейчас мне хочется наложить на себя руки или ждать, когда день закончится, пусть он закончится раньше. Завтра можно попробовать ужиться с собой заново. Завтра можно начинать сначала. Пробовать снова как-то вывернуть свою жизнь подальше от алкоголя. Теперь уже точно, когда мои руки в наручниках.

Еще я думаю, откуда у нас с Ксюшей было столько пустоты внутри, которую мы так дико заглушали алкоголем? В молодых девчонках не должно было быть столько боли.

Я не поддавалась на провокации и во второй раз, когда псевдо Миша прислал письмо, спрашивая, что случилось, почему молчу, и сможем ли мы увидеться как друзья, когда он приедет. Меня разрывало от желания тут же броситься написать ему, что я тоже его люблю и жду. Но та холодная и жесткая Ольга, приказала заткнуться и не верить ни в какие эпистолярные чудеса.

«Такую рыжую уродку не за что любить. Думаешь, мать просто так на тебя всегда орала? Говорила, что ты тупая никчемная кобыла? Нет, матери так не поступают без причины. И эта причина – ты и все твое жалкое существование. Не воображай, что тебя, замарашку, полюбят. Иди картинки рисуй, как твой неудачник-папаша, и мечтай не спиться».

Та Ольга побеждала во внутренних монологах, потому что

ребенок будет до последнего отрицать, что его не любят, что его отвергают близкие, а он не в силах этому противостоять. Мне достаточно было подойти к зеркалу, чтобы увидеть эту черно-рыжую, как у бездомного котенка, взлохмаченную голову, лицо, обсыпанное коричневыми точками, мой картошечный нос и части тела, которые были на два размера больше среднестатистических. Я рыжий колобок. Да, кому такое понравится? Кто такое чудо безродное полюбит? И я прятала его письма под матрас и старалась не думать.

Иногда я давала слабину и писала Мише многостраничный ответ. Рассказывала в подробностях, как проходит практика в школе, что дети какие-то озлобленные иногда попадают, и я не знаю, как сделать, чтобы они стали чуть добрее и человечнее, потому что уверена, что искусство людей преобразует в лучшую сторону. Тут я лицом к лицу столкнулась с восьмиклассниками, которые позволяют шуточки, если учитель выходит из кабинета, а я стою перед ними как перед расстрелом, обезоруженная. И эта пытка длится уже второй месяц, и теперь я сильно сомневаюсь, что правильно выбрала свое призвание.

Я описывала в деталях мои институтские будни, потом разрывала исписанные листы на мелкие кусочки. Но от того, что они все-таки были написаны, мне становилось легче.

По законам литературного жанра, если бы это происходило в каком-нибудь бульварном романе, мы бы обязательно

но встретились при жутко трогательных обстоятельствах. Он бы неожиданно нагрянул с огромным букетом цветов, и это обязательно были бы розы, потому что розы – всегда романтично и беспроницательно. Я бы заметила его на расстоянии нескольких шагов и бросилась с разбегу на шею, и мы впервые поцеловались. Я прокручивала этот момент раз за разом, хотя обычно презирала всякую лирическую банальщину.

В жизни Миша подлетел ко мне прямо перед входом в институт, мы зашли в здание, сделали несколько шагов и застыли, глядя друг на друга в плохо освещенном тамбуре. Студенты сновали туда-сюда, мы явно мешали проходу, но нам было откровенно все равно. Он не спрашивал, почему молчала, достал из-под куртки пион и протянул его мне. Где он в декабре нашел пион, ума не приложу. Но цветок, надо сказать, держался бодро и подавал признаки жизни. Я его аккуратно взяла, покрутила в руках и сунула в сумку, не поблагодарив.

На годовщину свадьбы Миша приносил охапку разноцветных пионов. «Это хорошо, что ты любишь пионы, – повторял каждый год муж, отчаянно радуясь собственным умозаключениям. – Представляешь, ты любила бы лилии, мы умерли бы ночью от отравления угарных лилий». И почему он тогда решил, что мне нравятся пионы.

Через неделю после той встречи с Мишей я съехала

от Жанны. С боем выбила себе комнату с новой соседкой на другом этаже, чтобы точно не пересекаться с бывшей возлюбленной Михаила. Получается, я увела жениха у Жанны, как говорится, отбила парня. Но я не считаю, что кого-то куда-то уводила. Он что бычок на привязи, что к нему можно подойти, развязать веревочку и увести подальше? Нет же. Так бывает, что одни люди сходятся, другие расходятся, и никакой драмы в этом нет. Обычная жизнь. Жалею, что мы не поговорили в открытую с Жанной, не высказали друг другу претензии и обиды, потому что недоговоренности обессиливают. Сама не замечаешь, как внутренние диалоги скапливаются, недосказанные реплики, которые не успели вырваться наружу вовремя, продолжают клевать изнутри или обрушиваются на невиноватых посторонних.

И таких историй с недовысказанными монологами у нас по жизни накапливается много, и они сосут нашу энергию, выкачивают силы, сжирают время и мысли. Может, нам одинаково дозированно выдают энергии, что в два года, что в сорок два года, но только тратится уже многое без твоего ведома, понимаешь. Утекает энергия по всем этим незакрытым ситуациям, а для полноценной и насыщенной жизни почти ничего не остается, поэтому ты и стараешься нащупать новый колодец. Для меня этим источником стал алкоголь. Я искала, куда провалиться от реальности, обрести выдуманый удобный мир или новые силы. Но до всех этих признаний в собственной слабости я успела наделать много ошибок.

Михаил был продолжением меня, поэтому и жизнь с ним была чем-то естественным, как дышать, есть, ходить в туалет, простите за подробность. Я не боялась с ним заняться первый раз любовью, не дрожала как осиновый лист, потому что все происходящее было правильным. А это для меня редкость. Я ищу подвох, не состыковки, жду удара.

Я жила в ожидании трагедии, под гнетом еще невидимой, но неминуемой беды, вместо того, чтобы радоваться. И если стоишь в оборонительной позиции, то всегда найдется тот, кто захочет нанести удар. Это лишь вопрос времени.

Михаил дослужил положенный срок в армии, и мы съехались через два года.

Он жил в это время у родителей, я договорилась с комнатой в общежитии. Ксюша звала меня на мероприятия, но теперь это были не студенческие пьянки, а тусовки резко разбогатевших мужиков, которые не знали, куда девать деньги и как с ними управляться, поэтому нещадно пропивали в кабаках, прожигали в казино и в сомнительных сделках.

Я могла несколько месяцев подряд не притрагиваться к алкоголю, поскольку чувствовала себя дерьмово не физически, а меня разрывало чувство вины. Я же другая. А эта взбалмошная неконтролируемая девица внутри меня пугает до чертиков. Она веселилась, радовалась, смешила людей, впадая в дикий раж. Могла зажиматься по углам с незнако-

мым мужчиной, но наличие в жизни Миши меня останавливало от измен. Хуже всего, что на утро просыпалась Я, и я должна была жить с последствиями. Я говорила уже, что чувство стыда притупляется со временем. Теперь мне стыдно было не годами, а месяцами, потом счет пошел на дни. После субботы с дикими плясками, самобичеванием в воскресенье и понедельник, к среде мой отрыв на выходных не казался катастрофой. А что, собственно, произошло? Поплелася, попела, домой же вернулась к себе в комнату.

Ксюша на каждом более менее приличном рауте хвасталась моими художественными способностями и однажды уговорила знакомого проспонсировать выставку моих картин. Я закрылась на полгода в комнате и творила. Договорилась с комендантшей мыть полы в общежитии за оплату комнаты, Миша приносил продукты. Алкоголь был вычеркнут из жизни, единственное назначение спирта тогда было оттирать мои руки и пол от краски, которые были запачканы в пятнах акрила.

С тем нуворишем мы условились, что деньги от продажи картин, шли мне, он забирал себе три картины на выбор.

– Что это за уродство? – завопил Ксюшин знакомый, стоя над картинами, которые мы с подругой довели до багетной мастерской. – Я на это потратил две тысячи долларов? Никто эту халтуру не купит. Забирай все обратно! Я отменяю наши договоренности, все равно у людей нет денег на искусство, тем более на такое паршивое.

– Ты не реви, – утешала Ксюша, когда новый русский со своей охранной отчалил на квадратном черном внедорожнике, напоминавшем наш уазик. – Есть у тебя талант, просто стране сейчас нужны картошка и макароны, а не картины. Так, что, подруга, делай больше, ошибайся лучше и продолжай несмотря ни на что.

Картины некуда было девать, и мы оставили с Ксюшей их перед входом в багетную мастерскую. Что с ними стало, я не узнавала.

Через неделю после моего творческого фиаско мы съехались с Мишей и поселились в общежитии как молодая семья, а потом сняли первую квартиру, точнее, не сняли, а нас приютила родственница Михаила. У нее пустовала двухкомнатная квартира, и она разрешила там пожить. Мы оплачивали только коммунальные, наверное, это нас расслабило, что мы совсем не задумывались о собственном жилье, просто жили и жили. Чем моложе, тем проще любить. Не давят бытовые мелочи. Они, конечно, есть, но ты их не замечаешь, или не придаешь им особого значения.

Вера Александровна – единственная, кто меня принял в той семье. Для остальных я всегда была какой-то «недо». Недосложена хорошо, недообразование у меня – разве это образование учить рисовать или учить языкам? Это или заложено в тебе или нет, искусственно не научишь, да еще и четыре года на это тратить – сплошная глупость и отсижива-

ние перед зарабатыванием денег, как они без стеснения мне говорили в глаза.

Я легко замалчивала подобные выпады новых родственников в свой адрес. Да и деваться было некуда. Миша, как бы сильно ни любил, никогда не заступался за меня. Так, подхихкивал со всеми на очередном дне рождения его многочисленной родни. И знаете, меня это не злило, потому что я была уверена, что также естественно смеяться надо мной, подтрунивать, как чистить зубы каждое утро. Любые просчеты в воспитании наших родителей мы изживаем годами, только если сами принимаем это за просчет. Если моя собственная мать не воспринимала меня за полноценного человека, что уж говорить о посторонней девице ими любимого мальчика, которого так «варварски женили на себе».

Много лет хотелось доказать его родне, что я чего-то стою, что со мной надо считаться. Я не мечтала о том, как однажды они соберутся вместе и скажут: «Ольга, мы были не правы, извини нас». Мне не нужны были слова раскаяния, мне важно было, чтобы они приняли меня за свою. Ведь я тоже работаю, замужем, у меня и ребенок появился – но я все равно в их глазах какой-то взбалмошный несурзанный подросток с несерьезной работой.

С появлением в нашей жизни Павла во мне расцвела надежда, что вот они признают во мне взрослую женщину, способную заботиться о других, но и факт рождения ребенка их не смягчил.

Просветления наступали, что я могу жить полноценной жизнью самостоятельно, и мне совсем не нужен костыль в виде бутылки. Я смогу и без бокала чувствовать себя живой, желанной, быть уверенной в том, что все происходящее не зря и во всем мире абсурда есть смысл.

Михаил все замечал, но в тот период я жила, словно его нет. У меня было оправдание. К тому же, я не вела какой-то антисоциальный образ жизни: я при муже и работа на полный рабочий день. А еще эта дыра в сердце, которую я использовала для морального права расслабляться алкоголем.

Наверное, так ведут себя родственники алкоголика, когда до последнего скрывают его зависимость. Если мать Михаила приходила утром, то я не вставала к ней, муж врал, что я допоздна готовилась к урокам. Соседи, возможно, тоже догадывалась, что я попивала, потому что я довольно часто не помнила, как возвращалась с дружеских посиделок. Может, меня кто-то видел из соседей, как я ползу на четвереньках по лестнице, может, я говорила с кем-то, но на утро я не помнила ничего и только бесконечно радовалась, что проснулась в своей кровати и со мной ничего страшного не произошло.

Хотя происходило. Я каждый раз теряла часть себя. Я уверена, что нам необязательно знать все свои темные стороны. Будто ты – это огромный особняк, и на части комнат висит замок, тебя предупреждают, что нельзя спускаться в подвал

или подниматься на крышу – это опасно. Так вот не надо рисковать, туда и, правда, не стоит ходить. Не надо исследовать темную область себя. Не надо доходить до дна, как бы ни говорили, что от дна легче оттолкнуться. Я знаю, что запаса воздуха может не хватить, чтобы подняться наверх. Ресурсы закончатся где-то посередине этой впадины, и ты всплывешь трупом. Вот что со мной происходило, и я отказывалась это замечать. Меня съедала тоска и чувство вины, которое я заглушала алкоголем, а потом чувство вины от себя в алкоголе, и все это повторялось раз за разом.

Когда-нибудь это должно было закончиться.

Наверное, я ждала помощи извне, доброго участия, чтобы кто-то посадил меня за стол и сказал: «Олька, произошла трагедия, но ты не виновата. Так совпало. Так бывает, что ты оказываешься не в то время и не в том месте. Трагедия только в том, что тогда там была ты».

Мне сочувствовали, но не говорили со мной.

Мы вели беседы на кухне с подружками или я уходила на дружеские попойки, где мы бурно обсуждали тот день, но часть разговоров я не помню, потому что вливала в себя так, будто тушила двухметровое пламя. И вся терапия от душевных бесед сводилась к нулю.

Кажется, тогда не заладилось с самого начала.

Сашка был жутким врединой. Озорным, веселым остряком, но жутко вредным. И выделывал он свои выкрутасы, как я считала, только назло мне. Ни у кого из нашего коллектива с Сашей Кливенко не было проблем, кроме меня.

В первый же урок рисования в пятом классе, когда он уселся за свою парту в четвертом дальнем ряду от учительского стола, он перешептывался весь урок с соседом по парте. Я работала второй год. Ни опыта у меня, ни мудрости какой-то житейской. Я только тихонько обращалась к этим двоим: «Мальчики, потише, пожалуйста, идет урок». Что, вероятнее всего, их только забавляло. Ишь, как к нам интеллигентно относятся, почти не прерывают разговоры. Они болтали громче, я покашливала, они останавливались на минуту, потом это детское жужжание продолжалось. Урок я закончила обессиленной и пыталась себя убедить, что ничего криминального не произошло, двое мальчишек просто болтали весь урок.

Не знаю, кто прав, когда говорят, что решает первое впечатление или то, как себя поставишь. Увидел ли Сашка во мне легкую добычу, почувствовал ли страх, дала ли я слабинку или повод? Мне сложно сказать. Но с первого урока началась невидимая война, которая иногда переходила в яв-

ное противостояние между нами двумя.

На второй урок рисования Саша пришел неподготовленным, что, собственно, меня и не удивило. Переговаривался он громче, с нахальным вызовом. И игнорировать это было попросту нельзя, на кону стояла моя репутация. Чем больше он мешал мне вести занятие, тем больше я попискивала: «Саша, я выгоню тебя из класса» или «Саша, не мешай другим». И до конца урока мы открыто противостояли друг другу, борясь за авторитет.

Я побоялась жаловаться другим учителям, потому что на Сашку никто из коллег не жаловался. Ну да, любопытный, не по годам развитый мальчик, но безобидный. Что же со мной было не так? Я так боялась показаться другим учителям не своей, что терпела его выходки пару месяцев.

Сейчас я могла бы все исправить. У меня и тогда были шансы что-то поменять в наших отношениях с упрямым учеником, я каждый раз могла свернуть с дорожки борьбы, но с фанатичным стремлением продолжала продавливать этот бунт. Могла же бить не в лоб, как-то искуснее, но нет, я считала Сашу противником, равным себе, и поэтому у меня не выходило сделать ничего мудрого в той ситуации. В конце первой четверти я сдалась и написала в дневнике, что жду родителей для разговора.

Отец Саши резко возник на пороге учительской: слышится стук в дверь, я не успеваю поднять глаза, как раздает-

ся бас:

– Где Ольга Юрьевна Абносова, учитель рисования, – без приветствия обращается Сашин папа к сидевшим учительницам, перескакивая взглядом по испуганным лицам.

Я медленно приподнимаюсь со своего стула и ощущаю на себя взгляды коллег. Я чувствую их физически, каждый из присутствующих надевает на меня невидимые свинцовые доспехи, мои плечи почти гнутся, так что ноги с трудом удерживают меня в вертикальном положении.

– Это я, – тихонько отвечаю я же.

Все человек шесть-семь, что находятся в кабинете, замирают. Само происходящее немеет, затвердевает в камне. Сколько секунд длится во всеобщем оцепенении, я не знаю, по моим ощущениям проходит час, прежде чем упавший случайно карандаш нас всех не возвращает обратно в настоящее.

– Вы вызывали родителей Саши Кливенко, – гремит его голос. – Это я, Дмитрий Кливенко, и хотел бы обсудить поведение моего сына, выйдем? – Он не предлагал, в его манере поведения есть абсолютная уверенность того, что отказ не подразумевается. Я машинально следую за ним. Тишина так остается в учительской, как только я закрываю за собой дверь.

Кабинет рисования был на третьем этаже. Я шла впереди, показывая Кливенко старшему дорогу. Я обернулась, слабо

улыбнувшись ему, но все также оставалась парализованной от того, что не могла объяснить себе реакцию коллег в учительской. Откуда это удивление? Он же не покойник и, вроде, с виду нормальный родитель, может, слегка строгий.

Я открыла ключом кабинет, быстро просеменила к учительскому столу, развернулась на одном каблуке и ухватилась на край стула. Мне хотелось немного сгладить гнетущую атмосферу неизвестности, и я заговорила с ним с показательным усердием:

– Рада, что вы нашли время прийти, Дмитрий. Простите, вы не сказали ваше отчество, а я не успела поинтересоваться накануне. Не знала, когда именно вас ждать, – как только я закончила с последним словом, то ощутила, что объясняюсь перед ним как нашкодившая первоклашка. Я опустила на секунду голову и увидела побелевшие костяшки своих пальцев, сжимающих спинку стула.

«Да, что это такое, соберись, Оля, немедленно», – приказала я себе.

Дмитрий молчал и в упор разглядывал меня, от пристального сверления мне стало физически плохо, я развернула стул и присела, радуясь, что еще на несколько секунд могу вернуть себе самообладание:

– Вы присаживайтесь, Дмитрий, – говорить с ним снизу вверх было еще тяжелее, поскольку теперь он в прямом смысле смотрел на меня свысока. – Ваш сын – хороший маленький человечек, но у него не хватает усидчивости на мо-

их занятиях, и он подстрекает других учеников саботировать уроки рисования. Я не заставляю его рисовать, погружаться в процесс, если для него это незначимо, но есть образовательный учебный стандарт, и он должен его соблюдать, хотя бы минимально. Но главное, конечно, его поведение на занятиях. Он громко разговаривает, отказывается слушать мои замечания, ехидничает. Согласна, что, рассказывая вам это, выставлю себя как некомпетентный педагог, но у меня нет ресурсов влияния на него, а он демонстрирует полное пренебрежение к урокам и моему терпению, в целом. Более того, такая ситуация, как я понимаю, складывается только на моих занятиях, на всех остальных учебных дисциплинах он ведет себя образцово, по крайней мере, я ни разу не слышала, чтобы он кому-то доставлял хлопот.

Протараторив, я не почувствовала ни малейшего интереса к озвученным претензиям, наоборот, скорее, удивление, вроде: «Раз все справляются с моим сыном, а ты нет, может, дело в тебе?». Вот что читалось в его выражении лица.

Стул мне не помогал, теперь казалось, что я проваливаюсь глубоко, что-то притягивает меня, и я не могу этому сопротивляться. Нужно было заполнить образовавшуюся пустоту, повисшую в воздухе. Кливенко старший ждал конкретных объяснений, зачем понадобилось вытаскивать его в середине рабочего дня, чтобы услышать, что у его сына просто бестолковая учительница? Черт, черт, черт.

– Я была бы рада, если бы вы нашли время погово-

ритель с сыном. Нам нужно как-то мирно сосуществовать еще несколько лет, вы меня понимаете?

Господи, да, я как ребенок, выпрашивающий конфету у родителя в магазине. Я была так смешна и нелепа и не представляю, сколько бы это еще продолжалось, но в кабинет робко постучали, и, не дождавшись ответа, в проеме дверей появилась Сашина голова. Отец обернулся и кивком пригласил войти. Саша встал перед дверью, но не закрывал её за собой.

– Проходи, говорю, – огрызнулся отец. Саша врос в землю, как и я на своем стуле, поэтому оставался стоять у двери.

– Рядом сядь, – взревел отец. Саша робко прошаркал до первой парты и неслышно приземлился рядом с родителем.

– Говорят, ты себя возомнил крутым парнем, который имеет право хамить учительнице и мешать ей вести занятие? – Я не успела понять, что происходит, голова Саши провалилась на секунду, и вновь выгнулась обратно, как матрешкина фигурка за пару секунд приняла изначальное положение. Сашин отец развернулся всем корпусом на меня: «Он больше не доставит вам неудобств. Мне пора. Пошли».

Я так ему ничего и не сказала. При мне ударили маленького десятилетнего ребенка, а я смолчала. Я даже не сделала этому амбалу замечание. Саша больше не взглянул на меня. Он поднял голову после удара отца, но уже не смотрел. Или

смотрел, но сквозь меня.

Я в каком-то ступоре еще просидела час, может, меньше, пока не услышала звонок и не вернулась обратно в учительскую. Из коллег там оставалась только Римма – учитель по физкультуре, но она была на своей волне, молчаливая, скрытная, мы как-то обоюдно поняли, что не хотим обсуждать то, что произошло в кабинете накануне. Я собрала вещи, натянула пальто и без прощания вышла из учительской. Мне было важно вывалить из себя груз негодования, но как назло никто из коллег не попался навстречу до самого порога школы. Я доползла до квартиры, обессиленная, будто таскала коробки при переезде многодетной семьи, разделась прямо в коридоре, натянула майку мужа, забралась с головой в кровать и отрубилась до утра.

Как только я проснулась, то обрадовалась от мысли, что сегодня нерабочая суббота и мне не надо идти в школу. Я выбралась из постели и прошагала на кухню. Вещи из коридора Михаил убрал, заботливо повесив мое платье в шкаф, а пальто на вешалку. Ботинки стояли на полочке, поблескивая новым слоем гуталина. Я с облегчением выдохнула, меня искренне восхищали вот такие незначительные жесты его внимания.

Миша сидел на кухне и читал Стругацких.

– Совсем плохо? – муж прикрыл книгу и заботливо смотрел на меня, как только я появилась на пороге. – Сварить тебе кофе? Есть будешь? Ты что-то совсем бледная? Ты не за-

болела?

Я не знала, на какой из вопросов ему ответить и кивнула одним жестом, соглашаясь на все. Он вскочил с табуретки, достал турку, быстро насыпав две большие ложки кофе на стакан воды, поставил турку на плиту, встал ко мне полубоком, наблюдая за кофе, и возобновил расспросы:

– Ученики довели? Расскажешь что-нибудь, Оль?

Я закивала, все еще не в силах говорить. Миша развернулся и требовательно сморщил лоб: «Так, говори».

– Сложно объяснить, что произошло. Я вызвала родителей ученика, но, видимо, именно этих родителей нельзя было трогать, потому что когда зашел отец в учительскую, все разом на меня уставились как на больную или сумасшедшую, я сама не поняла почему. А потом этот отец при мне ударил сына, а я смолчала. Мишенька, я не защитила ребенка. Я вообще никак не отреагировала. Я никчемный педагог. Мне не нравится там, мне там плохо.

Муж искренне удивился:

– Где? В школе? Ты же так хотела преподавать свое ИЗО, последние три года только об этом и твердила.

– Ты не понимаешь, мне нравится моя работа, но я ненавижу именно эту школу. Они мне все там чужие. У меня даже подруги нормальной за три месяца не появилось. Я там изгой и не понимаю, почему со мной не хотят ни общаться, ни считаться, – я слышала не себя, а внезапно проснувшегося пятилетнего ребенка, который ноет и жалуется, требуя

к себе немедленного внимания. – Мишаня, ну что со мной не так? Почему они не дружат со мной?

– Котенок ты мой любимый, это период адаптации. Ты сама не задирай нос, а больше проводи время в учительской. Ты, наверно, все перемены и окна просиживаешь в своем кабинете? Сама выходи на контакт, проси о помощи, советуйся. Люди очень любят, когда с ними советуются, когда посторонние признают, что у них есть знания и они могут поделиться чем-то полезным. Нужно просто время.

Мой внутренний ребенок не унимался. Хотелось, чтобы муж взял меня на ручки и покачал как младенца, утешая и убаюкивая, что все будет хорошо. Миша пристально смотрел, ожидая, когда поднимется пенка и надо будет снять с плиты турку.

– Может, мне поискать другую школу? – робко спросила я, зная наперед Мишину реакцию.

Миша развернулся ко мне спиной, чтобы я не видела, как он закатывает вверх глаза. Я больше года не могла устроиться на работу после института и подрабатывала то нянькой в саду, то мыла пол в подъездах по ночам, то рисовала, надеясь на внезапную славу художника. Муж больше не желал слушать, чтобы я перебивалась непонятными заработками, к тому же мне с трудом удалось устроиться в школу. Нина Петровна месяц отказывалась меня принимать, в лицо доказывая, что я и месяца не проработаю, побегу в декрет, а ей нужна стабильная ставка: держать в штате молодых девиц ей

не выгодно. Директриса вообще не церемонилась в выражениях на мой счет.

– Но я там несчастлива, – это был мой последний аргумент. Я устала на Мишу с надеждой, что он скажет, ищи что-то другое, моих денег вряд ли будет хватать, но мы просто отложим появление малыша на какой-то срок, пока оба не встанем на ноги.

Муж промолчал. Кофе зашипело и поднялось до краешка. Михаил аккуратно отставил турку с огня, перелил кофе в большую кружку и поставил передо мной.

– Спасибо, – машинально прошептала я и попробовала улыбнуться, уже не глядя на него.

– Тебе надо потерпеть. Не все сразу, ты же знаешь. Наверное, ты опять к себе какие-то завышенные требования предъявляешь, как, впрочем, и к другим, ждешь от людей чуда, или того, что они будут вести себя, исходя из твоих ожиданий.

Я старалась не закатывать глаза и корчить рожу, но Миша знал, как я ненавижу его псевдо психонаучные рассуждения, особенно про то, что надо быть добрее, смиреннее, терпеть по жизни. Это больше походило на проповедь, чем поддержку заботливого мужа и это меня в нем раздражало. Вот он такой добрый и правильный учит меня жизни, а я несмышлёный младенец, который хочет быть счастлив прямо сейчас, не откладывая на неопределенное будущее.

– Ты сама должна делать шаг навстречу. Больше задавать

вопросов другим, внимательно слушать. Нельзя отстраняться от людей, а потом требовать, чтобы они полюбили тебя или признали «своей». У кого-то обязательно будет день рождения, поучаствуй, купи подарок, покажи, что заинтересована быть частью коллектива, – Миша продолжал разглазговать, я чувствовала, как постепенно закипаю от злости.

– Меня не приглашают! – я отвечала уже срывающимся на плач голосом.

– Приходи без приглашения, не выгонят же они тебя. Просто ты упорствуешь сама, а надо немного перетерпеть эту ситуацию. И с мальчиком тоже надо внимательнее разобраться, что там у него происходит. Скорее всего, ты не в курсе всех обстоятельств в его семье. Узнай, потом делай выводы.

Я схватила раскрытую книгу и прочитала первое попавшееся на глаза предложение: «В нашем веке стреляются потому, что стыдятся перед другими – перед обществом, перед друзьями... А в прошлом веке стрелялись потому, что стыдились перед собой. Понимаете, в наше время почему-то считается, что сам с собой человек всегда договорится».

– Вроде, ты читал это у Стругацких? Ты у них почти все перечитал, сам говорил.

– Давно, по молодости. Сейчас многие вещи открываются по-новому. Согласись, странно, что когда ты думаешь, что живешь в одной вселенной с одними переменными, а оказывается, что у всего происходящего есть другой смысл, что

мы что-то большее, чем мы сами. Это кажется таким удивительным, – протянул Миша куда-то вдаль, не особо наблюдая за моей реакцией в этот момент.

– Ты такой милый, когда умничаешь, – рассмеялась я. – Не забудь, сегодня идем к моей маме на день рождения. Вот где понадобятся все твои способности, чтобы ее заболтать, чтобы она ко мне не цеплялась.

– Твоя мать – не такой монстр, как тебе представляется. «Ангел во плоти опять меня учит», – с раздражением подумала я.

– Ага, – я кивнула и с силой втянула носом аромат кофе. – Вкуснотища!

***

Миша бывал у меня дома, но каждый раз я сильно нервничала, когда он находился в родительской квартире. Не могла отделаться от мысли, что сейчас Миша раскусит меня и увидит, какая на самом деле я никчемная и несуразная. И что мои вечно взлохмаченные волосы, которые я старалась сплести в косу и запрыскать лаком, мои веснушки, которые я усердно замазывала «Балетом», – это все не прикрытие и маска моей детскости, это я и есть – вечно обиженный и глуповатый ребенок-подросток. Боялась, что однажды Миша обнаружит, насколько я ущербна, поэтому избегала визитов к матери, особенно, когда предполагалось, что будет

общее семейное сборище.

Я не открыла своим ключом, а позвонила в дверь. Через пару минут мать распахнула дверь, и на нас обрушился затхлая вонь советской квартирки вперемешку с запахом вареной картошки.

– О, Мишанечка, – мать бросилась обнимать зятя, не обращая внимания на стоящую рядом меня. – Как я рада видеть тебя! Как всегда с цветами, ну ты настоящий джентльмен. Как же повезло моей дуре!

– Татьяна Владимировна, тоже рад вас видеть. Уже отмечаете? – и Михаил подмигнул матери, будто кроме них двоих в коридоре никого не было.

– Ой, да стопочку за здоровье любимого зятя приняла, – хихикнула мать.

Мне вдруг тоже захотелось почувствовать эту тяжесть в плечах и легкость в голове после первой рюмки. И пока они миловались в коридоре, я быстро забежала в кухню, открыла холодильник, схватила бутылку водки и сделала пару глотков из горла. Поморщилась, внутри обожгло и размякло в висках. Я и сама не поняла, почему легко подчинилась внутреннему порыву. Спешно закрыла холодильник и побежала обратно к родственникам, словно ничего не произошло.

– Где ты там возишься? – раздался требовательный материн голос вместе со скрипом серванта и позвякиванием хрусталя. – Иди помогать накрывать на стол. – И услышан-

ный приказ впервые не отозвался во мне раздражением. Это были просто слова моей матери, которые говорили, что мне нужно прийти и помочь.

Представляешь, подобное открытие меня успокоило и нейтрализовало. Мы все пропускаем через фильтры собственного воображения, в наших головах вечный хаос из фактов, домыслов и предположений. Всего несколько глотков – и я не расслышала привычный упрек в своей нерасторопности, а услышала факт того, что мне следует поторопиться. Здорово, правда? Да кого я обманываю. Я просто ищу себе оправданий.

Простите, Светлана, я все перескакиваю с «вы» на «ты». Вы, видно серьезная девушка с уважаемой профессией, взгляд у вас добрый, неисторченный, не закаленный от чужого горя. Чутко меня слушаете. Наверное, работаете недавно? Тогда вы – стойкий и равнодушный человек. Редкость по нынешним меркам, хотя, надо признаться, мне на людей везет.

Миша и мать ворковали в большой комнате, я послушно бегала из комнаты в комнату, поднося им то салат, то хлеб, то полотенце. Миша потянулся за селедочницей и опрокинул бокал с морсом, я кинулась на кухню за тряпками. Мать рассмеялась, так добродушно, что у меня снова защемило все внутри. Ну, почему мне никогда не доставалось ее снис-

ходительности?

Через час заглянула соседка с нашей лестничной площадки Олимпиада Константиновна и еще одна из нашего же подъезда, мамина школьная подруга и две ее старые знакомые, которые вечно появлялись на праздниках, но отсутствовали в остальной части материнной жизни. Куча теток и Миша во главе этой братии, великодушно обхаживал престарелых женщин.

Я пила вино за столом, но пару раз выбегала и украдкой вливала в себя рюмку водки, как школьница, которая не верит, что может опьянеть и поэтому забавляется, повышая градус и подливая себе побольше горячительного. С увеличением во мне количества вина я становилась добрей и покладистой: порхала по кухне, убирала за всеми тарелки, хотала без причины. Меня устраивало обретенное состояние веселья и беззаботности, пока Миша резко не схватил за руку и не прошипел: «Достаточно тебе». Я болтала глупости? Вела себя вызывающе? Да чем я раздражала этих старух, которые свое отжили?

– Уважаемые гости, – победно объявила я, когда удалось вырваться из-под руки Миши и добежать до большой комнаты. – Муж спешно забирает меня домой.

И никто не кинулся отговаривать меня после этой фразы. «Да, да, поздно уже, – недовольно процедила мать. – Собирайся».

Ощущение отвергнутости, несмотря на весь выпитый ал-

коголь, пронзило насквозь. Я борюсь с ним всю жизнь. Даже собакам объясняют, за что их наказывают, а меня наказывают за то, что я есть. Как надо вести себя правильно, чтобы тебя наконец-то полюбили и приняли? Я до конца в этом и не разобралась.

Миша присел на корточки и вставил каждую мою ногу в ботинок, протянул руки и помог подняться на ноги, надел на меня пальто и натянул берет на голову. Буркнул себе под нос: «Мы ушли», оставив долгие привычные прощания с мамашей в коридоре.

– Еще немного, и ты бы свалилась там замертво! Когда ты успела так напиться? – взревел муж, как только дверь захлопнулась. Я искренне не понимала, о чем он. Я хотела было возразить, но язык не слушался, я пожала плечами и поплелась за ним.

– Стыдно за тебя, ты бы хоть молчала, когда пьешь. Твоя мать не виновата, что у вас натянутые отношения. Зачем каждому жаловаться, что она тебя не любит. Это детский сад, Оля, пора взрослеть. И отца не вернешь.

Чего-то я не помнила в деталях, это правда, о чем беседовала с мамиными подругами, как танцевала и пела застольные песни. Ну, это обычные посиделки, не понимаю, почему вид пьяной женщины, еще и любимой пьяной женщины вызвал бурю негодования.

Наутро мы об этом больше не заговорили. Я и потом замечала, что мы с мужем не обсуждали мои пьяные выход-

ки. Хотя странно, если есть что сказать, если чужое поведение тебя обижает, об этом надо говорить вслух, а не замалчивать. Обиды нарастают как снежный ком. Одно накладывается на другое, и в один момент ты в снежной ловушке, которую сотворил собственными руками.

Тот понедельник, 21 ноября, я помню до мелочей, потому что все воскресенье морально готовилась к нему. Я собиралась поговорить с директрисой, прояснить ситуацию с Сашей, ударом его отца у меня на глазах, выяснить заодно про ту немую сцену, когда Дмитрий появился на пороге учительской. Я старательно подбирала слова, но они обрывались уже в начале предложения, потому что воображение уводило меня куда-то в сторону: я в кабинете рисования, он заносит руку, и детская голова как матрешка качается и опять встает на месте. И тот Сашкин прощальный взгляд. До чего же взрослые беспомощные существа, только имитируют возраст, а сами неспособны открыть рот и начать вовремя говорить. Жалкое зрелище.

Нина Петровна заглянула сама в мой кабинет после третьего урока.

– Зайдешь ко мне в два, – объявила директриса, не особо церемонясь в приветствии, и ее взвинченная шевелюра из трех ярусов также внезапно скрылась в дверях.

Спасибо вам, Нина Петровна, за предстоящие почти четыре часа самокопания и накручивания себя. Как же мы легко

управляемы. Она могла послать секретаршу Настю, мол, директриса ждет к себе в два. Но нет, она поднялась на третий этаж в перемену, чтобы лично засвидетельствовать, как она собирается поизмываться надо мной несколько часов спустя.

Уволит? Устроит взбучку? Ну, хоть прилюдной порки удастся избежать, раз она не собирает педсовет. И на этом спасибо. Маринование перед встречей похоже на сверление больного зуба без анестезии: ты в стоматологическом кресле, не можешь дернуться в прямом смысле, потому что твои резкие движения спровоцируют врача допустить ошибку. Остается ждать и терпеть, отвлекать себя мыслями, что боль не вечна и любые неприятности имеют срок окончания.

Но переключиться не удавалось. Честно говоря, я была бы рада увольнению. Нет, я была бы счастлива, если бы именно тогда она меня уволила, и удалось бы избежать последствий одной рядовой записи в дневнике ученика пятого класса.

– Ну, что, Ольга Юрьевна, как вам у нас работается? – вот и предвестник будущего увольнения, с облегчением подумала я. – Есть ли замечания по работе системы общего образования? Что думаете о программе средней школы?

Я поджала обе руки под себя, чтобы они не выдавали дрожь, которую я за пару часов так и не успела унять и которая усиливалась с каждой минутой тет-а-тет с директрисой.

– Спасибо, мне нравится. Я потихоньку адаптируюсь, – я опять в своей вечной роли нашкодившего ребенка,

а не взрослой замужней дамы и начинающего педагога.

– А с коллективом удалось подружиться? Может, с кем-то конкретным? – ей и вправду надо было работать следователем, а не директором средней школы, хотя с детьми-подростками детективные навыки пригождаются.

– Мы с Риммой нашли общий язык, как мне кажется, – все тем же неуверенным голосом, словно отвечаю с дальней парты, прошептала я.

Нина Петровна закатила глаза и хмыкнула:

– С Риммой, с физручкой? – жаргонная речь из уст заслуженного педагога в стенах школы меня не удивляла, меня бы не смутило, начни она материться передо мной. – Она с собой-то не может найти язык, молчит вечно. Дикая какая-то.

Такая неприкрытая откровенность немного задела, но в тоже время я расслабилась. Перед человеком, которого собираются отчитать или уволить, не будут откровенничать, сплетничая в открытую о других коллегах.

– Думаю, вы не совсем удачно выбрали себе компанию, Ольга Юрьевна, – продолжала Нина Петровна. – Вам надо присмотреться к другим преподавателям в нашей школе и пора общаться активнее, чтобы быть в курсе происходящего, или хотя бы советоваться с учителями о методах своей работы, раз у вас пока не достаёт опыта.

Тут мне хотелось вскочить и размахивать руками прямо перед ее носом, как в итальянских мелодрамах, да как вы смеете меня отчитывать, как подростка, не удосуживаясь

объяснить, чего же, я, по-вашему, такого страшного натворила. Эй!

Вместо этого я проямлила:

– Да, спасибо, учту ваши замечания.

– Позвольте, Ольга Юрьевна, я выступлю сегодня вашим другом и немного введу в курс процессов, которые не очевидны для человека непосвященного. Во-первых, я бы хотела, чтобы свои претензии о неприемлемом поведении ваших учеников вы рассказывали классному руководителю. Понимаете ли, это его работа отвечать за общее состояние класса, успеваемость учеников. Классный руководитель и дневники собирает, и родителей на собрания вызывает. А тут, оказывается, вы делаете за нее работу и вызываете в школу родителей провинившегося ученика, а никто не в курсе, что у вас на уроках произошел инцидент.

– Но он повторялся неоднократно, это был не разовый инцидент, – выступила я в свою защиту.

– Так вот тем более, Ольга Юрьевна, первым же делом надо было прийти и пожаловаться хоть классной, хоть прямо в учительской. Что вы как не женщина, в самом деле? Жаловаться, делиться неприятностями – это же в крови у женщин. А вы все в себе таскаете, так и надорваться можно.

– Я вас услышала, – мне казалось разговор можно на этом закончить, и я приподнялась со стула. Но тут же услышала строгий учительский голос:

– Я вас и не отпускала, Ольга Юрьевна, мы же только на-

чали вести беседу. И вы не спешите, уроков, я посмотрела, у вас нет. Вот и сидите, получайте опыт человеческого общения между коллегами. Про донос на учеников вышестоящему руководству я уже сказала, – куда-то себе под нос произнесла директриса. – Следующее: вызов родителей. Знаете, опять же это нужно делать через классного руководителя, она решает, имеет ли смысл вызывать родителей или нет. Многие вопросы можно уладить с учеником напрямую. Какие бы раздолбаи по жизни не были некоторые школьники, но гнева учительского, а особенно вопросов успеваемости и аттестата побаиваются и идут на уступки в своем поведении. Ольга Юрьевна, мы люди взрослые, занятые, и родители наших учеников часто люди непростые, поэтому не стоит их беспокоить по ерундовым причинам.

– То есть неуважение к педагогу – для вас не причина вызова родителей? – заткнуться я в этот момент уже не могла, мое нутро взревело от ахинеи, которую тетка сильно средних лет пыталась мне втолковать.

– Вы умеете слушать, Ольга Юрьевна, или будете взрываться от любой мелочи, касательно вашей самооценки? – ее брови до этого как-то смешно поднимающиеся на некоторых словах замерли в самой верхней точке, и мне показалось, что они вот-вот доберутся до кромки волос. Позже, в течение многих лет, именно движение вздернутых бровей были признаком полного негодования директрисы. – Другими словами, Оля, нельзя портить отношения с теми родителями, ко-

торые приносят пользу школе. Ты должна научиться закрывать на некоторые вещи глаза, – рявкнула она напоследок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.